

О. П. Зубец²**БУДУЩЕЕ КАК ПОДЛИННОЕ БЫТИЕ: АРИСТОТЕЛЬ И МАРКС**

Обращение одного мыслителя к другому, даже отдаленному от него тысячелетиями истории, оборачивается их взаимной актуализацией в настоящем. Более того, они могут оказаться в одном интеллектуальном и нравственном ряду, когда речь идет об идеальном видении будущего: так, например, Марксово видение коммунистического будущего во многом воспроизводит представления Аристотеля о полисе как пространстве свободного общения, пространстве поступка. И это содержательное совпадение становится еще более явным при понимании того, как много Аристотель значил для Маркса и как был близок ему.

Маркс очень ценил, даже любил Аристотеля. Это отношение выходило далеко за пределы того интереса, который питает исследователь, пишущий об античности, — а в своей диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1840–1841 гг.) он около ста раз обращается к Аристотелю и как к источнику знания о других античных философах, и как к притягивающему его мыслителю. Для Маркса Аристотель — достойный собеседник, источник идей и понятий, а также человек, идеи которого и их верное понимание он отстаивает с той же страстью и последовательностью, что и свои собственные. В одном из писем Маркс говорит: «Я всегда питал особую любовь к этому философу (Гераклиту. — О. З.), которому я из древних предпочитаю только Аристотеля»³.

Для него Аристотель — тот философ, который переворачивает взгляд на античную мысль, делает ее взрослой, то есть современной самому Марксу: «Чтобы греки не вышли из своей роли детей, необходимо, чтобы Аристотеля никогда не было на свете...» (3; 128). Не сказать об Аристотеле — значит поместить Античность в детство человечества, не вступить с ней в диалог на равных, а это именно то, к чему стремится Маркс. Для него Аристотель — близкий по мысли собеседник, и он не хочет «сделать из истории древней философии историю древности» (3; 128), она предельно актуальна.

Та особая интонация, с которой он говорит об Аристотеле, может быть, по-видимому, определена словом *близость*. Аристотель родственен ему по образу мыслей, и именно поэтому мысль Маркса движется в понимающем диалоге с античным философом. Х. Арндт, чьи работы теснейшим образом связаны с аристотелевскими понятиями и идеями, отмечает: «Влияние Аристотеля на стиль и часто также на содержание мысли Маркса мне представляется несомненным и, возможно, не менее важным, чем влияние гегелевской философии»⁴.

Понимание связи направления мысли двух мыслителей позволяет глубже проникнуть в философско-этическое содержание учения Маркса. Есть серьезное основание для того, чтобы среди многих этических понятий и идей, связывающих Аристотеля и Маркса, принять в качестве ключевого понятие *πρᾶξις*, хотя бы в силу того, что оно, будучи базовым в философии Маркса, которая чаще всего именуется именно философией практики, является основополагающим также для аристотелевской этики. Для Аристотеля одним из исходных утверждений его этического учения является принципиальное противопоставление понятий поступка (*πρᾶξις*) и творения (*ποίησις*): поступок отличается имманентностью цели и бытием действующе-

² Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в том числе: «Сознательный выбор и решение о поступке: *προαίρεσις*», «Величавый Аристотель: странный текст и великая идея», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте».

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 29. С. 445. Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте в скобках с указанием тома и страницы.

⁴ Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб.: Алетей, 2000. С. 337.

го в действии, смысл же и цель творения заключается в его внеположенном ему результате. Многие авторы делают акцент на том, что Маркс опирается на идею творения, изготовления, производящей деятельности человека, или полностью отказываясь от аристотелевского $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, или как бы встраивая $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ в $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$. Так, Х. Арндт отмечает: «Маркс, всего откровеннее занятый лишь “производительностью”, понимает как действие, так и труд в смысле изготовления»¹. Если воспользоваться выражением Д. Пиларио, «Арндт предлагает нам аристотелевскую критику марксистской парадигмы»².

Стоит отметить, что у Аристотеля разведение творения и поступка, хотя и исключительно акцентировано и теоретически принципиально, тем не менее не столь просто: человек ценит и бытие своего творения, принимая его как собственное. В то же время критика Марксом труда, его теория отчуждения во многом близка тому критическому настрою, с которым Аристотель описывает $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$, а идея бытия самим собой, общая для античности, просвечивает в Марксовом понятии неотчужденного бытия. Но есть ли вообще у Маркса понятие праксиса как индивидуального ответственного (морального) поступка (как самодостаточного, цель которого содержится в нем самом и в котором бытийствует человек как самое себя), а не как общественно-исторической практики? Аристотелевское понятие поступка воспроизводит аристократический идеал, задает асимметрию, в которой доминирует, превосходит в поступке человек поступающий, активный, действующий, властно принимающий решение. Казалось бы, это ставит некую идейную преграду между Аристотелем и Марксом. Но ведь аристократическое начало радикально противостоит буржуазному, против которого так заострен ум Маркса. И в этом противостоянии буржуазному началу Маркс оказывается открыт аристократическому идеалу Аристотеля, идеалу нетрудающегося, не-производящего, но бытийствующего в свободном пространстве полиса, в праздности, а не в необходимой деятельности по воспроизводству условий своего существования и рода, в неотчужденном общении человека. Антибуржуазный марксистский идеал преодоления труда, перехода из мира необходимости в мир свободы есть идеал возвращения человека к аристократическому пониманию поступка как формы неотчужденного бытия самим собой.

Античная мысль нацелена на поиск человеком самого себя, Аристотель находит самое себя человека в его бытии началом поступка. Маркс описывает отчуждение человека от своей самости, овеществление самого себя, приобретающее отчужденную форму, историческое преодоление которого он считает важнейшей перспективой истории и важнейшим предметом теоретической мысли. Его идеи снятия труда и преодоления государства непосредственно означают прорыв в пространство свободы, свободного времени, праздного общения, в котором человек предельно активен, но не занят профессиональным трудом, то есть празден: он может, например, писать картины, но при

этом не становится живописцем, то есть не отчуждает самого себя в профессию, не задан ей. Маркс в сущности говорит об утверждении человеческой деятельности как поступка и превращения человеческого общения в полис, в котором отношения людей есть дружба, то есть они не опосредованы ни вещными отношениями, ни государством. Именно зачатки такого полисного бытия-дружбы-общения описывает он в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «...у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью... Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение...» (42; 136).

Капиталистический труд для Маркса есть $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ — деятельность, цель которой полностью находится в продукте, результат которой отчужден от нее, а деятель отчужден от самого себя в продукте, в результате. Но именно такой труд Маркс жаждет преодолеть, вернуть человека в деятельность, цель которой в ней самой и осуществляется в самом процессе человеческой активности. Иными словами, преодолеть $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ и вернуть человека в $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, то есть восстановить его бытие в поступке.

Для Маркса центральной проблемой является отчуждение человека от его собственных способностей и возможностей (от своей сущности), которые сформированы практикой (у Аристотеля — поступками), но уже не принадлежат ему, не есть он сам. Именно поэтому понятие индивидуально-ответственного поступка может быть теоретически задано им в перспективе коммунистического идеала преодоления отчуждения и утверждения бытия человека в поступке как самодостаточной деятельности. Речь идет о том, в чем заключается возможность бытия человека самим собой, возвращение ему его сущности, которая не в вещах, не в отчужденных продуктах, но в том, что он есть начало своего поступка, то есть моральное существо. По сути, коммунистический идеал оказывается идеалом возвращения к бытию человека самим собой — не производящим, но моральным существом. В самом глубоком и точном виде это можно было бы сформулировать так: творение становится поступком, то есть способом бытия человеческого самого себя. Надо заметить, что, хотя Аристотель принципиально разводит $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$, он тем не менее отмечает, что творец любит свое творение, как отец любит сына, и в этом признает его бытие своим. Слияние $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ через преодоление отчуждения, в сущности, означает превращение всего человеческого пространства в пространство поступка, очень близкое тому, как его видит Аристотель.

Итак, главным для понимания соотношения понятий $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ у Аристотеля и Маркса является понимание близости аристотелевского понятия поступка как способа самодостаточного бытия человека и коммунистического идеала Маркса как идеала неотчужденного бытия человека в деятельности, связанного с преодолением разделения труда, отчуждения результата, продукта, самой деятельности и самости человека от него самого. Именно в их родстве, а не в сопоставлении индивидуально-ответственного поступка

¹ Арндт Х. Указ. соч. С. 408.

² Pilario D. F. Back to the rough grounds of praxis. Leuven University Press, 2005. P. 73.

с общественно-исторической практикой Маркса, раскрывается мыслительная и этическая близость двух философов.

Современное состояние общества можно описать как лишенное устремленности к будущему, безразличное к его идеалу и неспособное выработать его, не готовое пока пойти далее осознания краха основ цивилизации,

пережить саморазоблачение социума, науки, культуры, права, морали через соучастие в катастрофе середины прошлого века. Но это саморазоблачение не только не разрушает идеального образа человека и общества, который мы находим у Аристотеля и Маркса, но заставляет обратиться к нему как к возможности снова помыслить будущее.